

Научная статья
УДК 343.21(470)

Александр Викторович Курсаев
Договорно-правовой департамент МВД Рос-
сии, Москва, Россия, kursaev@list.ru

ТЕКСТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Аннотация. В представленной статье рассматриваются закономерности увеличения текстуального объема уголовного закона. Анализируются положительные и отрицательные моменты лаконичности уголовно-правовых норм. Уделено внимание экономии уголовной репрессии. Автором анализируется увеличение количества источников уголовного права. Обращено внимание тенденции увеличения количества интерпретационных норм в уголовном праве, связанной с деятельностью Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Рассматриваются новые способы изложения уголовно-правовых запретов (нормы с двойной превенцией, административной преюдицией). Автор разделяет мнение, что их наличие следует из реализации превентивной функции уголовного права. Доказывается необходимость наличия «мертвых норм» в уголовном праве. Формулируются предложения по дальнейшей оптимизации уголовно-правовой политики в сфере текстологии уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный закон, уголовная текстология, лаконичность, новеллизация, «мертвые нормы», административная преюдиция

Для цитирования: Курсаев А. В. Текстуальный объем уголовного закона // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 3 (11). С. 50–56.

Original Article

Alexander V. Kursaev
Department Ministry of internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, kursaev@list.ru

THE TEXTUAL SCOPE OF THE CRIMINAL LAW

Abstract. The article discusses the patterns of increasing the textual volume of the criminal law. The positive and negative aspects of the conciseness of criminal law norms are analyzed. Attention is paid to the economy of criminal repression. The author analyzes the increase in the number of sources of criminal law. Attention is drawn to the tendency of increasing the number of interpretative norms in criminal law related to the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. New ways of outlining criminal law prohibitions (norms with double prevention, administrative prejudice) are considered. The author shares the opinion that their presence follows from the implementation of the preventive function of criminal law. The necessity of the existence of «dead norms» in criminal law is proved. Proposals are formulated for further optimization of criminal law policy in the field of textual analysis of criminal law.

Keywords: criminal law, criminal textology, conciseness, novelization, «dead norms», administrative prejudice

For citation: Kursaev A. V. The textual scope of the criminal law // Law: retrospective and perspective. 2022. No. 3 (11). P. 50–56.

Введение уголовной ответственности за какое-либо деяние должно носить объективный характер, что выражается в наличии так называемых принципов криминализации,

которые фактически направлены на ограничение субъективной воли законодателя и учет при конструировании новых составов преступлений объективно существующих

закономерностей. В теории уголовного права справедливо указывается на их важность в процессе криминализации, на то, что они влияют не только на стадии формирования и установления уголовной ответственности, но и на стадии ее реализации, когда представление правоприменителя о содержании уголовно-правовой нормы и уровень его правосознания существенно корректируют объем уголовно-правового запрета [1, с. 170–171; 2, с. 310].

В связи с этим создание в уголовном законе нового преступления за какое-либо негативное отклоняющееся поведение представляет собой крайнюю форму его пресечения правовыми средствами. Следовательно, установление уголовно-правового запрета возможно лишь в тех случаях, когда иные меры правового воздействия не способны достичь желаемой цели. Общеизвестным является суждение В. Н. Кудрявцева о том, что «норма уголовного закона должна предусматривать те и только те деяния, которые действительно опасны для общества и с которыми вести борьбу можно только уголовно-правовыми средствами» [3, с. 234].

Отсюда следует особенность уголовного права, заключающаяся в самоограничении уголовно-правового воздействия. Уголовное право вынуждено принимать во внимание возможные побочные последствия введения нового уголовно-правового запрета с тем, чтобы результат от криминализации превышал потери от него. Более того, уголовное право данный тезис возводит в качестве одного из своих базовых положений, выделяя принцип экономии мер уголовно-правового воздействия и его частный случай, – экономии мер уголовной репрессии, определяемую через минимизацию мер страдания, причиняемых наказанием. Уголовное право устанавливает и запрет на применение уголовного закона по аналогии, при котором не допускается его реализация, если это влечет расширение сферы уголовной ответственности или усиление негативных последствий для виновного. Минимизируется применение норм по аналогии также и в том случае, если такое их применение не расширяет сфе-

ру ответственности и является единственно возможным при данных обстоятельствах способом разрешения проблемных ситуаций. Такая особенность уголовного права рассматривается как одна из основных ее государственно-правовых закономерностей [4, с. 167].

Неудивительно в связи с этим, что содержательная экономия уголовного права выразилась не только в лаконичности и краткости уголовно-правовых норм, но и в сокращении его нормативной составляющей. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) рассматривается в качестве единственного источника уголовного права (часть 1 статьи 1). Несмотря на удобство данного тезиса для практиков в силу кодификации уголовных законов, предусматривающих уголовную ответственность, только в УК РФ, он является не вполне точным. Вопросы, входящие в предмет уголовного права, могут регулироваться и другими законами, бесспорные примеры чего известны [5]. Суды также ссылаются на нормы международного права, особенно в случае, если вопрос о противоправном характере деяния не нашел полного отражения в российском законодательстве. Так, например, имеют место ссылки на Конвенцию о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (заключена в г. Женеве, 12 сентября 1923 года) при обосновании в приговоре незаконности изготовления и оборота порнографических материалов или предметов (статья 242 УК РФ) [6].

Растет объем и самого УК РФ. Если на момент принятия он состоял из 360 статей, то на 5 августа 2022 года он включает в себя уже 492 статьи, увеличившись на 7 статей в Общей части и на 125 – в Особенной части. Заметно выросло и количество отдельных структурных элементов (частей в статьях) в нем. Достаточно сослаться на статьи 131 (изнасилование) или 159 (мошенничество). Возрос объем диспозиций, ярким примером чего служит статья 141.1 УК РФ (249 слов только в части 1 данной нормы).

Такое увеличение текста УК РФ, которое сопряжено с утратой им системности,

непродуманность вносимых изменений и их слабая криминологическая и социально-правовая обусловленность традиционно крайне негативно воспринимаются представителями науки уголовного права (А. И. Алексеев [7, с. 13–23], М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин [8, с. 191–209]), а сам бесконечный рост числа уголовно-правовых норм рассматривается в качестве симптома кризиса уголовного права [9, с. 234]. Данные отрицательные тенденции в развитии отечественного уголовного права очевидны и справедливы по своему содержанию. В то же время, помимо субъективных причин роста нормативности уголовного права, связанных с «увлеченностью» законодателя решением любых проблемных ситуаций уголовно-правовыми средствами, имеет место и объективная причина увеличения количества норм материального уголовного права, рассредоточиваемых по разным его источникам.

Российская общественная и правовая жизнь направлена на все большее усложнение общественных отношений, что влечет и повышение уровня правовой регламентации. Данная тенденция затронула и сферу действия уголовного права. Проявлением ее явилось введение уголовно-правовых запретов, связанных как с возникновением новых общественных отношений (например, компьютерные, транспортные преступления, компьютерное мошенничество), так и с криминализацией деяний, которые в силу специфики исторического развития нашей страны исчезли из социальной сферы (преступления в сфере избирательного процесса, в области частно-экономической деятельности). Потенциал данной тенденции не исчерпан, что выразилось, например, в недавнем установлении ответственности за использование инсайдерской информации (статьи 185.3 и 185.6 УК РФ).

Более того, уголовное право как никакое другое требует определенности уголовно-правовых норм. Понятно, что лаконичность диспозиций статей УК РФ этому способствовать не может. Отечественная правовая система пытается урегулировать данную проблему путем создания судеб-

ных правоположений, разъясняющих смысл норм уголовного права в целях их единообразного толкования и применения. Такие прецеденты созданы как Конституционным Судом Российской Федерации [10], так и Верховным Судом Российской Федерации. Последний на постоянной основе дает рекомендации по применению норм уголовного права, выраженных в постановлениях Пленума, обзорах правоприменительной практики, утверждаемых Президиумом, ответах на конкретные вопросы и прецедентных примерах уголовно-правовой квалификации и назначения наказания, публикуемых в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации.

В юридической литературе как-то мало внимания уделяется тому факту, что в настоящее время действуют 54 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и СССР по уголовно-правовым вопросам. При этом существенно расширяется сфера их регулирования. В них теперь содержатся разъяснения не только по традиционно «узловым» вопросам (убийство, назначение наказания, хищения), но и по новым, по которым ранее правовые позиции не формулировались (например, об ответственности за преступления против конституционных прав граждан [11]). Возникла практика принятия постановлений не только при комментировании отдельных групп преступлений, но и самостоятельных составов преступлений [12] и даже отдельных частей статей УК РФ [13]. О росте такого судебного нормотворчества негативных отзывов не высказывается. Наоборот, часто можно встретить призывы к высшей судебной инстанции разрешить тот или иной вопрос в постановлении Пленума Верховного Суда.

Указанные выше примеры приводят к выводу о повышении в обозримом будущем нормативности уголовного права. Будет заметно увеличиваться количество уголовно-правовых норм. Правила разрешения каких-либо ситуаций в сфере действия предмета уголовного права, выработанные судебной практикой, найдут закрепление в УК РФ. Процессы криминализации будут и

дальше превалировать над процессами декриминализации, что будет являться следствием установления уголовной ответственности за новые деяния в сфере высоких технологий. Дальнейшее развитие получают средства дифференциации уголовной ответственности как в части уголовно-правового компромисса, в том числе выражающегося в новых видах освобождения от уголовной ответственности и наказания, так и в корректировке границ преступного (в частности, в расширении перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния, исключения каких-либо областей уголовного деяния из области преступления – например, эвтаназия при умышленном лишении жизни другого человека). Интенсивно будет протекать и процесс внедрения в отечественное законодательство норм международного уголовного права. Безусловно, что все последствия этих причин будут проявляться по-разному, однако ни одну из них, даже самую экзотическую на первый взгляд, исключать нельзя. Ведь было же известно российскому праву освобождение от уголовной ответственности за умышленное убийство по просьбе потерпевшего или из чувства сострадания, то есть эвтаназия (примечание к статье 143 УК РСФСР 1922 г.).

И действительно, УК РФ чрезвычайно краток, даже с учетом субсидиарного решения некоторых вопросов в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации. Другие кодексы – Уголовно-процессуальный, Трудовой, Налоговый, не говоря уже о Гражданском кодексе Российской Федерации, – гораздо больше по объему и полнее, детальнее регулируют свой предмет. Между тем проблемы, связанные с общими вопросами преступления и наказания, должны получить более глубокую проработку, а не «выводиться» из общих представлений об уголовном праве. Это напрямую следует из принципа законности (статья 3 УК РФ). Диспозиции статей Особенной части уголовного закона должны быть более пространны, чтобы наиболее полно описать признаки составов преступлений. В противном случае «каучуковые нормы» (вроде злоупотре-

бления полномочиями) станут хронической бедой, и ссылаться здесь на ошибки правоприменения при отсутствии в самом законе четких критериев данного деяния будет неправильно.

Таким образом, повышение нормативности, детализации уголовного закона, выражающееся в увеличении его объема, будет иметь дальнейшее развитие. Ведь состояло же Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года более чем из 1700 статей при Общей части в 175 статей. Действовали еще и иные уголовно-правовые акты. Однако такой рост должен носить качественный характер и происходить не посредством увеличения объема УК РФ за счет новых, ненужных составов, а путем конкретизации его положений. Обеспечение же качественной составляющей такого роста нормативности УК РФ – задача науки уголовного права.

Кроме того, увеличивается и превентивная роль уголовного права. В уголовном праве выделяют так называемые составы с двойной превенцией, которые представляют собой преступления, в которых устанавливается ответственность за менее тяжкие преступления в целях предупреждения более тяжких. Криминализируя такие деяния, законодатель обеспечивает охрану не только тех общественных отношений, которые непосредственно являются объектом данных преступлений, но и иные, сопутствующие им, представляющие их дальнейшее развитие, которым в результате дальнейшего развития преступной деятельности также может быть причинен вред. В качестве примера можно привести статью 119 УК РФ – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью либо деяния, устанавливающие ответственность за всевозможные формы организационной деятельности [14] – статьи 208–210, 239, 241, 282.1, 282.2, 322.1 УК РФ.

Системность борьбы с преступностью предполагает включение в противодействие этому негативному социальному явлению и иных отраслей права, например, административно-деликтного, что находит свое выражение в конструировании норм с ад-

министративной преюдицией, при которой учитывается совершение нового административного правонарушения как в течение периода административной наказанности – часть 1 статьи 264.1 УК РФ, так и в течение периода судимости (часть 2 статьи 264.1 УК РФ).

Если первый вид уголовно-правовых норм с административной преюдицией традиционен для уголовного права, то второй вид является инновационным. Необходимость его наличия (на примере статьи 116.1 УК РФ) обоснована Конституционным Судом РФ в Постановлении от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» [15].

Кроме того, уголовный закон вынужден иметь в своем составе и так называемые «мертвые нормы» [16], а также редко применяемые нормы, то есть такие нормы УК РФ, которые практически не применяются в реальной действительности. Количество зарегистрированных по ним преступлений и осужденных исчисляется единицами, и их доля в структуре уголовного закона в целом незначительна. По подсчетам М. М. Бабаева и Ю. Е. Пудовочкина, в Особенной части УК РФ имеется 162 статьи (58 % от их обще-

го числа), по каждой из которых было зарегистрировано не более 300 преступлений, то есть не более одного преступления в день. Из них 83 статьи (29,8 %) применялись в течение года не более 10 раз [8, с. 159].

Расширяется и количество специальных норм. В частности, глава 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» была дополнена шестью новыми составами: статьи 138.1, 141.1, 142.1, 142.2, 144.1, 145.1 УК РФ. Данные нормы не только ужесточают уголовную ответственность по сравнению с общими составами, но и в отдельных случаях смягчают ее. Представляется, что такая тенденция дифференциации уголовной ответственности будет продолжена и далее.

Уголовное право является правом порядка, направленным на исключение незаконных и аморальных действий. Учитывая вышеизложенное, задачи борьбы с преступностью обуславливают дальнейшую дифференциацию способов противодействия ей путем конструирования составов преступлений с названными выше способами изложения запрета. Естественна и дальнейшая детализация регулирующих норм уголовного права. Исходя из этого тенденция увеличения объема уголовного закона представляется вполне закономерной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. М. : Юриспруденция, 2015. 559 с.
2. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М. : Проспект, 2016. 400 с.
3. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализации) / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. Я. Яковлев. М. : Наука, 1982. 303 с.
4. Панченко П. Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М. : Юриспруденция, 2014. 520 с.
5. О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2296.
6. Постановление Президиума Верховного Суда Чувашской Республики от 23 марта 2012 г. № 44-У-53/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М. : Норма, 2006. 143 с.
8. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014. 291 с.

9. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М. : Юрлитинформ, 2019. 352 с.

10. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 9. Ст. 1422.

11. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

12. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 7.

13. О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 7.

14. Малиновский В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика). М. : Проспект, 2009. 192 с.

15. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (дата обращения: 01.08.2022).

16. Курсаев А. В. «Мертвые нормы» в Уголовном кодексе РФ: между эффективностью и необходимостью // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2019 г. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 143–147.

REFERENCES

1. Markuntsov S. A. Theory of criminal law prohibition. M. : Jurisprudence, 2015. 559 p. (In Russ.)
2. Zhalinsky A. E. Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis. M. : Prospekt, 2016. 400 p. (In Russ.)
3. Grounds for a criminal law prohibition (criminalization and decriminalization) / ed. V. N. Kudryavtsev, A. Ya. Yakovlev. M. : Nauka, 1982. 303 p. (In Russ.)
4. Panchenko P. N. State legal patterns in the history and theory of state and law and criminal law. M. : Jurisprudence, 2014. 520 p. (In Russ.)
5. On the application of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the territories of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol : Federal Law of May 5, 2014 No. 91-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 19. Art. 2296. (In Russ.)
6. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Chuvash Republic dated March 23, 2012 No. 44-U-53/2012 // Access from the «ConsultantPlus» legal system. (In Russ.)
7. Alekseev A. I., Ovchinsky V. S., Pobegailo E. F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. M. : Norma, 2006. 143 p. (In Russ.)
8. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Problems of Russian criminal policy. M. : Prospekt, 2014. 291 p. (In Russ.)
9. Korobeev A. I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis. M. : YurItinform, 2019. 352 p. (In Russ.)
10. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin : Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 10, 2017 No. 2-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 9. Art. 1422. (In Russ.)
11. On some issues of judicial practice in cases of crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian

Federation) : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 46 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2. (In Russ.)

12. On judicial practice in cases of crimes under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 24, 2016 No. 21 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 7. (In Russ.)

13. On the practice of application by the courts of the provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 15, 2018 No. 10 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 7. (In Russ.)

14. Malinovsky V. V. Organizational activity in the criminal law of Russia (types and characteristics). M. : Prospekt, 2009. 192 p. (In Russ.)

15. In the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L. F. Sakova : Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 8, 2021 No. 11-P // Access from the reference legal system «ConsultantPlus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (date of access: 01.08.2022). (In Russ.)

16. Kursaev A. V. «Dead norms» in the Criminal Code of the Russian Federation: between efficiency and necessity // Efficiency of criminal law, criminological and penitentiary counteraction to crime : materials of the XII Russian Congress of Criminal Law, held on May 28–29, 2019. Moscow : Yurlitinform, 2020. P. 143–147. (In Russ.)

Информация об авторе:

Курсаев А. В. – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Kursaev A. V. – Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 23.09.2022.